

К вопросу об ареале расселения калмыков за пределами их основных кочевий в XVII–XIX вв.

Миграция для калмыков как природных кочевников, обосновавшихся в начале XVII в. на юге российского евразийского пограничья, длительное время продолжала оставаться естественным явлением. Они не только не теряли связь со своей прародиной – Джунгарией, но и продолжали мигрировать в сопредельные земли с их основными освоенными кочевьями в пределах России. Одним из последствий миграции калмыков, носившей маятниковый характер, явилось расширение их ареала расселения, которое было обусловлено и другими причинами. Сведения о них можно найти в различного рода исследованиях по истории калмыков. Используя эти исследования как источник, попытаемся реконструировать ареал расселения калмыков за пределы их основных кочевий в конце XVII–XIX вв.

Известно, что еще в 1686 г. 200 калмыцких кибиток были причислены к Области войска Донского [1, с. 1; 2, с. 60]. В последующем разные по численности группы калмыков неоднократно появлялись на Дону, но, как правило, затем, за редким исключением, возвращались на свои прежние кочевья. И. В. Борисенко, ссылаясь на работы дореволюционных авторов А. Ригельмана и М. М. Щербатова, обратил внимание на то, что в Области войска Донского в 1768 г. уже проживало около 500 калмыцких кибиток, а в 1770-е гг. во всей Новороссии [Северном Причерноморье – Л. О.] – 3000 человек [2, с. 60].

По данным К. П. Шовунова, в Новороссии, на Новой Днепровской линии, в 1778 г. проживало 760 беляевских (доломановских) калмыков [3, с. 63]. Кроме того, в формировавшееся Екатеринославское казачье войско были включены 1014 служивых калмыков, переведенных военными властями России из своего прежнего поселения – с. Чугуева Харьковской губернии [3, с. 166]. Исходя из этого, У. Б. Очиров пришел к выводу, что общая численность беляевских и чугуевских калмыков на тот момент составляла 3000 человек [4, с. 196]. В 1799 г. на Дону уже числилось 9525 человек (3724

кибиток). Разница с вышеназванными данными объяснялась, по мнению И. В. Борисенко, кратковременным пребыванием прикочевавших сюда больше-дербетовских калмыков Екрема Хапчукова, которые в следующем, 1800 г., откочевали из донских степей назад, в прежние свои кочевья, находившиеся в Астраханской губернии [2, с. 60].

К концу XVIII в. общая численность донских калмыков, по данным У. Б. Очирова, составила свыше 10000 человек [4, с. 196]. Он основывается на сведениях А. П. Пронштейна, содержащихся в коллективной монографии «Дон и Степное Предкавказье. XVIII – 1-я пол. XIX в. (Заселение и хозяйство)». Иного мнения придерживался его предшественник К. П. Шовунов. Он писал, что было принято исходить из следующего подсчета: в среднем одна калмыцкая семья (кибитка) составляла 2,5 человек, а так как таких семей значилось 2100, то, по его мнению, всего на Дону проживало к началу XIX в. более 5 тыс. человек [3, с. 69].

По данным исследователя XIX в. С. Ф. Номикосова, в 1800 г. на Дону проживало 2262 человека мужского пола базовых калмыков, начиная с 17-летнего возраста [5, с. 285]. В 1801 г., как свидетельствует И. В. Борисенко, местной донской переписью было зарегистрировано 2262 калмыка, служивших в донских казачьих полках [2, с. 60–61]. В 1803 г. 613 семей беляевских и чугуевских калмыков, согласно утверждению большинства исследователей, были переведены из Екатеринославской губернии Новороссии в Область войска Донского. Здесь их поселили к своим служивым соплеменникам.

Иного мнения придерживается В. И. Колесник. Он полагает, что средняя численность всех донских калмыков XVIII в. составляла около 1000 кибиток, а вместе с причисленными к ним в 1803 г. беляевскими и чугуевскими калмыками могла достичь 1500 кибиток [6, с. 49].

В 1818 г. по данным архивиста, историка начала XX в. Н. Н. Пальмова, а также И. В. Борисенко и К. П. Шовунова, основывавшихся на рапорте [по всей вероятности, малодербетовского улусного – Л. О.] пристава Ю. Тапилина, на Дон перешло 3000 кибиток дербетов, а годом позднее, в 1819 г., по информации Калмыцкого правления, всего на Дону числилось 3907 калмыцких семей (кибиток) или 13326 душ обоего пола, в том числе мужчин 6589. В 1819 г., как писал К. П. Шовунов, сотня беляевских калмыков на Дону насчитывала 175 кибиток, а сотня чугуевских – 438 кибиток [3, с. 69].

К 1822 г., по данным С. Ф. Номикосова, калмыцкое население на Дону возросло до 13622 человек. В том числе мужского пола было 6772 человека [5, с. 255]. В 1827 г., по сведениям другого исследователя XIX в. Н. А. Маслаковца, оно увеличилось до 15910 человек [7, с. 36].

В 1832 г., как обратил внимание У. Б. Очиров, вследствие тяжелого хозяйственного кризиса в калмыцких кочевьях Астраханской губернии из Малодербетовского улуса откочевало на Дон около 2 тыс. кибиток. Вскоре они были возвращены назад. Кроме них, 975 кибиток названного улуса из Ульдучинов, Чоносов и части Кевюдов, покинув Калмыцкую степь, откочевали на Ставрополье и в область Кубанского казачьего войска. Позднее из них 700 кибиток вернулось к своим кочевьям [4, с. 197]. Что касается остальных 275 кибиток, то еще Н. Н. Пальмов полагал, что им удалось пробраться на Дон. В результате общая численность донских калмыков увеличилась с 13622 человек в 1822 г. до 16505 человек в 1834 г. [цит. по: 4, с. 197].

К середине 30-х гг. XIX в., как было замечено всеми исследователями, учет калмыцкого населения на Дону начал налаживаться. С 1840 года он стал ежегодным и с 1860 г. – более детализированным. Это хорошо иллюстрирует таблица Н. А. Маслаковца «Движение населения калмыков Донского Войска» (1834-1871 гг.), составленная им по сведениям войсковой канцелярии. Данные этой таблицы (без привлечения первоисточников) были проанализированы И. В. Борисенко, В. И. Колесником, У. Б. Очировым.

Движение населения калмыков Донского Войска (1834–1871 гг.)

Годы	Общее число донских калмыков			Родилось			Умерло			Число родившихся над умершими	Число браков
	М	Ж	всего	М	Ж	всего	М	Ж	всего		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
К первому января в течение года											
1834	7840	6665	16505	—	—	—	—	—	—	—	—
1840	—	—	19415	—	—	—	—	—	—	—	—
1841	—	—	21543	—	—	—	—	—	—	—	—
1842	—	—	18429	—	—	—	—	—	—	—	—
1843	—	—	18528	—	—	—	—	—	—	—	—
1844	—	—	18867	—	—	—	—	—	—	—	—
1845	—	—	19297	—	—	—	—	—	—	—	—
1846	—	—	19287	—	—	—	—	—	—	—	—
1847	—	—	20661	—	—	—	—	—	—	—	—
1848	—	—	20459	—	—	—	—	—	—	—	—
1849	—	—	20231	—	—	—	—	—	—	—	—
1850	—	—	20317	—	—	—	—	—	—	—	—

1851	—	—	20195	—	—	—	—	—	—	—	—
1852	—	—	20248	—	—	—	—	—	—	—	—
1853	—	—	20297	—	—	—	—	—	—	—	—
1854	—	—	20345	—	—	—	—	—	—	—	—
1855	—	—	20529	—	—	—	—	—	—	—	—
1856	—	—	20631	—	—	—	—	—	—	—	—
1857	—	—	20706	—	—	—	—	—	—	—	—
1858	—	—	21077	—	—	—	—	—	—	—	—
1859	—	—	21200	—	—	—	—	—	—	—	—
1860	10457	10747	21204	325	286	611	217	186	403	208	123
1861	10556	10847	21403	225	215	440	216	183	399	41	119
1862	10565	10879	21444	294	266	560	174	193	367	193	121
1863	10684	10951	21635	294	264	558	148	157	305	253	253
1864	10828	11057	21885	267	206	473	221	180	411	72	100
1865	10872	11083	21955	245	246	491	229	218	447	44	100
1866	10885	11111	21996	—	—	—	—	—	—	—	161
1867	11741	11803	23644	331	259	590	352	226	576	12	197
1868	11722	11950	23672	387	315	702	251	172	423	279	191
1869	12195	12093	24195	422	395	817	282	215	497	420	184
1870	12977	13081	26058	386	370	756	311	278	589	167	173
1871	13039	13097	26136	—	—	—	—	—	—	—	—

Данные за 1868 г. исследователя С. Ф. Номикосова были заимствованы из отчета, представленного Донским областным комитетом в Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. Согласно им численность всех донских казаков с их семьями достигла 627390 человек, в том числе калмыков значилось 24196 человек [5, с. 287]. В 1882 г. численность донских калмыков составляла 28659 человек [5, с. 280].

По сведениям П. Э. Алексеевой, основанным на разных статистических данных, донских калмыков в 1822 г. числилось 13522 человека, в 1832 г. – 16413, в 1840 г. – 19415. В 1841–1866 гг. численность калмыцкого населения Дона колебалась в пределах от 10000 до 21000 человек. В 1867 г. и в последующие годы тенденция роста не ослабла: в 1867 г. донских казаков-калмыков, по мнению автора, числилось уже 23544 человека; затем в 1868 г. – 24196, в 1869 г. – 24521, в 1870 г. – 26059, в 1871 г. – 26138, в 1872 г. – 26398 человек. В 1873 г. на территории с калмыцкими кочевьями Области Войска Донского, которая носила название Калмыцкий округ, находилось 20670 калмыков, а вне пределов этого округа проживало еще 2684 человека [8, с. 295].

Таким образом, постепенная миграция части калмыков на Дон привела к их обоснованию там и формированию из них новой субэтнической

группы, получившей название «донские калмыки» или «бузавы». В этом немаловажную роль играли как инициаторы сами кочевники при явно благоприятствовавшей им политике российских властей, а также определенной заинтересованности местного донского казачества, располагавшего довольно-таки объемным запасом войсковых земель. Численность донских калмыков значительно увеличивалась за счет их соплеменников-мигрантов преимущественно из кочевий дербетов Астраханской губернии. Разница в цифровых показателях их численности свидетельствовала о том, что на первых порах наблюдался как приток, так и отток мигрантов. Поэтому подсчет в начале XIX в. не всегда был точным, как и в предшествующем столетии. К середине XIX в. с окончательным обоснованием калмыков на Дону учет стал более систематизированным, приближенным к действительности, в чем было заинтересовано местное войсковое начальство, обязывавшее новопоселенцев нести казачью военную службу, причем без права формирования собственных национальных воинских подразделений. Появление последних связано с Гражданской войной в России.

К возникшему в XVI в. Яицкому казачьему войску калмыки были приписаны впервые, по данным П. И. Рычкова, в 1725 г., по решению Военной коллегии Российской империи из 684 калмыков, кочевавших по р. Яику, 110 человек были приписаны к местному казачьему войску. Затем в 1738, 1739 и 1742 гг., как было установлено Т. И. Беликовым, по разрешению оренбургского губернатора В. Н. Татищева местная канцелярия приняла еще 574 крещеных калмыков и определила их, как и первых 110 человек, в войско. В 1745 г. «в верхних городах по Яику в качестве своекошных казаков» было поселено 70 семей калмыков [9, с. 162]. В следующем, в 1746 г., по сведениям К. П. Шовунова, согласно правительственному указу было принято еще 62 кибитки калмыков. В 1748 г. в Яицком войске насчитывалось 470 калмыков [3, с. 48]. В 1753 г. в связи с его реорганизацией численность приписанных к нему калмыков была доведена до 1000 душ обоего пола. Пополнение произошло за счет 59 калмыцких кибиток, до этого освобожденных из казахского плена и кочевавших под Оренбургом [2, с. 67; 3, с. 48].

Сведения по демографии яицких калмыков второй половины XVIII в. пока остаются не выясненными исследователями. Единственно известно, что с 1775 г. они стали называться уральскими в связи с переименованием войска, к которому были причислены. И. В. Борисенко, используя материалы А. Д. Рябинина, пришел к мнению, что к концу 50-х – началу 60-х годов XIX в. больших изменений в их численном составе в сравнении с серединой XVIII в. не произошло [2, с. 67]. Как он отмечает, на территории Уральского войска в 1858 г. числилось 1136 кибиток, в 1862 г. здесь

оставалось 1184 калмыка, в 1887 г. – 1250 человек [2, с. 162]. По данным К. П. Шовунова, ссылавшегося на работу Н. Бородина «Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах с 10 картами», в 1885 г. всего здесь значилось 934 калмыка (517 мужчин и 417 женщин) [3, с. 161].

Таким образом, образовавшаяся в 1725 г. яицкая (уральская) группа калмыков при незначительном пополнении, естественно, была небольшой по численности. В последние десятилетия XIX в. наметилась тенденция к ее сокращению, что объяснялось постепенным упадком государственной значимости Уральского казачьего войска в связи с возрастанием роли возникшего позднее Оренбургского казачьего войска.

Следующей по численности была группа ставропольских калмыков. По данным Т. И. Беликова, в 1738 г. в крепость Ставрополь-на-Волге по распоряжению российского правительства из Калмыцкого ханства с княгиней Анной Тайшиной было переселено 700 калмыцких семей, насчитывавших 2104 человека обоего пола [9, с. 140]. Все они были крещены. В 1744 г., к моменту передачи ставропольских калмыков в Оренбургскую губернию, в Ставропольской провинции насчитывалось 3330 калмыков обоего пола [9, с. 141].

По сведениям П. И. Рычкова, в вышеназванную крепость с 1741 по 1747 гг. переселение кочевников продолжалось, причем в основном из Калмыцкого ханства и частично с Яика и Дона. Всего было переселено 573 кибитки [цит. по: 2, с. 69].

К 1754 г. число ставропольских калмыков, по данным П. И. Рычкова, увеличилось до 8695 душ [10, с. 108-109]. В 1755–1759 гг. к ним прибыло 2961 человек из числа ойратов, откочевавших в Россию из покоренного цинским Китаем Джунгарского ханства. По сведениям У. Б. Очирова, общая численность ставропольских калмыков в середине XVIII в. превысила 11,5 тыс. человек [4, с. 198].

Т. И. Беликов, ссылаясь на архивные источники, полагал, что в 1756 г. из ставропольских калмыков было создано особое Ставропольское калмыцкое войско. Его причислили к отдельному Оренбургскому корпусу в составе 7970 человек обоего пола [9, с. 141].

По сведениям А. Гурия, к 1767 г. численность ставропольских калмыков уменьшилась до 2960 человек [11, с. 332], а по мнению И. В. Борисенко, – до 2,9 тыс. человек [2, с. 70]. Т. И. Беликов считал, что в их числе в 1768 г. оставалось 4304 мужчин, из них способных к службе было 1816 человек [12, с. 72]. По данным К. П. Шовунова, в декабре 1768 г. в Ставропольском войске числилось уже 8217 калмыков [3, с. 136], а, по сведениям Н. З-ва, в 1771 г. было 8015 калмыков [13, с. 32]. Этого же мнения придерживался и А. Гурий, указывая в своей работе не только численность калмыков,

но и кибиток в числе 1923 [11, с. 332]. К. П. Шовунов, основываясь на выявленных им документах в ЦГИАР, писал, что к 1771 г. численность ставропольских калмыков возросла до 14 тыс. [3, с. 136]. У. Б. Очиров эти цифры подверг сомнению [4, с. 198].

По данным Н. З-ва, в 1774 г. ставропольских калмыков оставалось не более 5,5 тыс. человек [13, с. 33]. По окладной книге Симбирской губернии (1799 г.), на которую ссылается И. В. Борисенко, калмыков-служащих, отставных и их детей мужского пола числилось в Ставропольском уезде 1004 человек и в Самарском – 2159 человек [14, с. 134]. По сведениям А. Гурия, в 1780 г. численность ставропольских калмыков уменьшилась до 4795 человек [42, с. 332], а И. В. Борисенко привел в своей работе несколько иную цифру – 4725 человек [14, с. 134].

В 1803 г., по данным архимандрита Гурия, ставропольских калмыков мужского пола насчитывалось до 3000 [11, с. 332], а в 1805 г. было 1030 человек, в том числе мужского пола значилось 2554 человека¹. В дальнейшем их количество неуклонно уменьшалось: в 1810 г. было 978 человек, а всего мужского пола – 2303 человека; в 1815 – 1984 человека; в 1820 – 1960 человек; в 1825 – 1922 человека; в 1830 – 1797 человек; соответственно в 1840 г. – 1749; в 1841–1842 гг. – 3324 человека; мужского пола – 1710, женского пола – 1614 [11, с. 332]. По данным И. В. Борисенко, в 1805 г. ставропольских калмыков насчитывалось 2554, в 1810 г. – 2309, в 1815 г. – 1984 и в 1820 г. – 1980 человек. По мнению автора, здесь определенную роль играла миграция, продолжавшаяся у ставропольских калмыков на данный период. Ей способствовал полуоседлый образ жизни этой группы калмыков, немалая часть которых размещалась не в стационарных жилищах, а в кибитках [14, с. 134].

В 1842 г. Ставропольское калмыцкое войско было упразднено. Состоявшие в нем на службе калмыки – 3324 человека – были зачислены в Оренбургское казачье войско и поселены на Оренбургской кардонной линии между Орской и Троицкой крепостями [14, с. 134].

Таким образом, образовавшаяся в 1738 г. ставропольская группа калмыков к середине XVIII в. была самой многочисленной, но в то же время оказалась недолговременной.

Что касается оренбургских калмыков, то их появление связано с принятием 12 июля 1748 г. Военной коллегией специального решения. Его инициатором был оренбургский губернатор И. И. Неплюев. Позднее Сенат утвердил расписание о ежегодно-посменном командировании на Оренбургскую линию 969 человек башкир и 310 человек из числа крещеных калмыков Ставропольского казачьего войска. В 1754 г., по дан-

¹ Ранее эту цифру указал в своей работе З-в Н.

ным П. И. Рычкова, в окрестностях Оренбургской крепости под властью владельца Семена Хошеутова кочевало 56 кибиток калмыков, в которых насчитывалось 205 душ обоего пола. Они, по собственному желанию, поддержанному вышеупомянутом И. И. Неплюевым, были приписаны к Оренбургскому казачьему войску.

По сведениям К. П. Шовунова, в 1765 г. под Оренбургом проживало 20 калмыцких кибиток [3, с. 151]. В 1866 г. в Оренбургской губернии проживало 6005 калмыков, т. е. за более чем за полвека их численность значительно увеличилась. По данным И. В. Борисенко, в 1871 г. только мужчин среди оренбургских калмыков было около 3 тыс. [14, с. 161]. Однако в 1880-е гг. число оренбургских калмыков составляло всего лишь 1168 человек [14, с. 161], а к концу XIX в. калмыцкое население Оренбургской губернии значительно сократилось. Причинами столь сильного сокращения оренбургских калмыков, как отмечало большинство исследователей, являлись такие факторы, как их обратная миграция в Астраханскую губернию, произошедшая в результате ускоренного перевода на оседлый образ жизни, политики местных властей, направленной на ассимиляцию новоприбывавших. В целом это отрицательно сказывалось на жизнедеятельности оренбургских калмыков.

Особую группу калмыцкого населения составляли терские калмыки. О времени прикочевки и обоснования их на р. Терек существуют различные точки зрения. Большинство авторов их начальный приход на данную территорию связывают с 1777 г., когда здесь, в междуречье низовий рек Кумы и Терека, поселилось 80 калмыцких кибиток [14, с. 66]. В 1780 г. уже значилось 200 кибиток, и они были зачислены в состав Моздокского казачьего полка [15, с. 5–6; 16, с. 117; 3, с. 62]. К концу XVIII в. их разделили на три улуса. Два из них, кочевавшие на полковых станичных землях, назывались хуторскими. Это были Верхний улус, расположенный ближе к г. Моздоку, и Нижний улус, кочевавший у г. Кизляра. Третий Кумский улус находился между реками Кумой и Гайдуком, занимая территорию вплоть до побережья Каспийского моря. В трех улусах в общей сложности насчитывалось 895 кибиток с общим числом в 4392 человека обоего пола, причем на долю хуторских приходилось 514 кибиток, а кумских – 375 кибиток [3, с. 62]. Н. П. Гриценко пишет, что «в конце XVIII века в Терскую область калмыков пришло около 2 тыс. кибиток или 10–12 тыс. душ обоего пола». По мнению И. В. Борисенко, «эта цифра противоречит вышеприведенным сведениям и больше подходит к количеству калмыков Астраханской губернии, которые имели право кочевать в уездах Кавказской губернии (Ставропольском, Георгиевском, Моздокском) на рубеже XVIII–XIX вв.» [16, с. 118].

По сведениям К. И. Костенкова, в 1800 г. всего терских калмыков числилось 495 человек мужского пола, а в 1840 – 1064 души мужского и 1069 женского пола [18, с. 166]. По данным Н. Ф. Бурдукова, в 1821 г. терских калмыков насчитывалось 328 кибиток или 1600 человек обоего пола, а в 1840 г. – 2133 человека [15, с. 7]. По ответу на запрос К. И. Костенкова, полученному официальным путем, в 1860 г. на Тереке всего кочевало 500 семей-кибиток, из которых 254 семьи или 1507 человек (820 душ мужского пола и 687 женского пола) были причислены к Моздокскому казачьему полку [17, с. 167–168]. И. В. Борисенко, основываясь на архивных источниках, пишет, что в 1860 г. в пределах Терской области проживало более 2000 человек (1064 мужчин и 1069 женщин) [14, с. 133]; в 1863 г. было более 500 кибиток. К концу XIX в. численность терских калмыков возросла на 937 человек [14, с. 159].

Таким образом, в период с 1777 г. по конец XVIII в. наблюдался рост численности терских калмыков, а в период с 1800 г. по конец XIX в. произошел некоторый спад, что, возможно, объяснялось сохранением ими кочевого образа жизни и расселением их на обширных просторах степного Предкавказья.

Следует особо сказать о Большедербетовском улусе. Как известно, после смерти в 1784 г. владельца Ценден Дорджи произошли раздоры между сыновьями нойона за право владения улусом. В итоге в 1788 г. российскими властями Дербетский улус был разделен на две части: Малодербетовский – как улус младшего брата и Большедербетовский – улус старшего брата.

В 1860 г. в связи с проведением новой территориальной границы между Астраханской и Ставропольской губерниями Большедербетовский улус с кочевавшими калмыками на р. Маныч был присоединен к последней. Он был подчинен ставропольскому приставу кочующих народов и таким образом оказался вне района основных кочевий калмыков, располагавшихся в Астраханской губернии.

По данным, собранным на тот момент Я. П. Дубровой, в нем значилось 812 кибиток (2436 человек) [18, с. 22–23]. По мнению А. А. Лебединского, население большедербетовцев в 1860 г. по сословиям распределялось так:

	мужчин	женщин	Штатного духовенства числилось:	
Владельцев	–	–	гелюнгов	50
Членов их семейств	9	11	гецулей	34
Аймачных зайсангов	6	–	манджиков	35
Членов их семейств	46	56		

Зайсангов безаймачных	2	—		
Членов их семейств	13	17		
Итого:	76	84	Итого:	119
Калмыков-простолюдинов на 1211 кибиток исчислилось 4844 человека				

В данной таблице отражается социальный состав привилегированного сословия с количеством душ, а также духовенства с количеством общего числа, калмыков-простолюдинов, где дается не только подушный состав, но и покибиточный. Общее количество большедербетовцев составило 5123 человека (2617 мужчин и 2506 женщин) [19, с. 99–100].

По сведениям другого исследователя Н. Львовского, 30 сентября 1861 г. главный пристав принял Большедербетовский улус и нашел его в следующем положении:

	мужчин	женщин	обоого пола
а) нойонов	9	10	19
б) монашествующих, т. е. гелюнгов 50, гецулей 34, манджиков 35	119	нет	119
в) аймачных зайсангов, пользующихся правами почетных граждан	52	56	108
г) безаймачных зайсангов, пользующихся правами личных граждан	15	17	32
д) калмыков-простолюдинов, полагая в 1 кибитке по 2 м. и по 2 ж.	2516	2516	5032
Итого:	2711	2599	5310

В приведенных сведениях отражен социальный состав большедербетовцев, их разделение на привилегированное сословие, духовенство и простолюдинов; показан подушный состав населения. Сравнивая данные за 1860 и 1861 гг., следует отметить, что всего за год население большедербетовцев увеличилось на 197 человек. По подсчетам Н. Львовского, с 1861 по 1872 гг. численный состав большедербетовцев имел тенденцию к возрастанию, а с 1872 по 1892 гг., напротив, сократился. В 1866 г., по сведениям Н. Львовского, численность обоого пола достигла 1314 кибиток (5558 человек: 3328 мужчин и 3229 женщин) [20, с. 98–101]. А по данным К. И. Костенкова, основанным на статистических сведениях по Ставропольской губернии исследователя П. З. Ланко, в Большедербетовском улусе в 1868 г. числилось 1495 кибиток или 6272 души обоого пола [21, с. 73; 22, с. 6]. Н. Львовский в своей работе приводит таблицу за 1870 г.

Калмыки Большедербетовского улуса

	число кибиток	число мужчин	число женщин	число обоего пола
1) Абганир-Гаханкин род	67	300	—	—
2) Абганеров род	90	237	193	400
3) Багатуктунов род	178	546	388	934
4) Бюдермисов род	161	518	397	915
5) Басабурулов род	233	727	—	—
6) Будульчинеров род	54	164	136	300
7) Икитуктунов род	238	874	—	—
8) Икичиносов род	447	1380	1168	2548
9) Кюбетов род	48	180	126	306
10) Тарачинеров род	21	67	—	—
11) Хаджинкинов род	62	178	—	—
12) Цоросов род	96	285	231	516
13) Шеретов род	54	137	—	—
Итого:	1749	5591	—	—
Сверх того: в семействе нойона-владельца	—	6	6	12
В семействах:				
Аймачных зайсангов	—	17	15	32
Безаймачных зайсангов	—	52	36	88
Хуvaraков (духовенства)	—	127	—	—
В целом всего:	1749	5793	—	—

В данной таблице не только отражается социальный состав большедербетовских калмыков, но и прослеживается этнический состав; показан подушной и покибиточный состав. Таким образом, в 1870 г. было 1749 кибиток, представлявших 13 родов, а численность только одних мужчин возросла до 5793 человека [20, с. 98–99].

По сведениям И. В. Борисенко, основанным на архивных данных, в 1871 г. численность большедербетовцев составляла 9139 человек [14, с. 138].

К концу 1872 г. численность большедербетовцев, по мнению Н. Львовского, составляла 11231 человек (5898 мужчин и 5333 женщины). Но в последующие годы численный рост населения в улусе приостановился и даже уменьшился. В 1873 г. было 10564 человека (5615 мужчин и 4949 женщин). В дальнейшем рост, видимо, не наблюдался, о чем свидетель-

ствуют данные о простолюдинах за пять лет в таблице Н. Львовского [20, с. 98–99].

Численность калмыков Большедербетовского улуса
(1887–1891 гг.)

	1887		1888		1889		1890		1891	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
1) калмыков	5500	5089	5564	5089	5573	5148	5476	5009	5425	4981
2) родившихся	132	122	172	126	243	135	201	193	149	164
3) умерших	196	116	181	91	156	96	150	155	365	139
4) браком сочетавшихся	138	138	81	81	108	108	118	118	123	123
	1887	1888	1889	1890	1891					
5) кибиток	1985	2054	2057	2183	2183					
6) родов	16	16	16	16	16					

Подводя итоги анализа данной таблицы, можно прийти к выводу, что в 1887 г. численность населения Большедербетовского улуса составляла 10589 человек, в 1888 г. – 10653, 1889 – 10721, 1890 – 10485, 1891 – 10406 человек. Как видим, по сравнению с предыдущими годами численный рост населения большедербетовцев несколько уменьшился.

По данным И. В. Борисенко, в 1887 г. численность большедербетовцев составляла 10569 человек [14, с. 140]. А. А. Лебединский в статью «К вопросу о вымирании калмыков» включил таблицу, которая дает представление о движении большедербетовского калмыцкого населения за период с 1860 г. по 1925 г. включительно [23, с. 110].

годы	колич. корен. калм. на- селения	за данный период		годы	колич. ко- рен. калм. населения	за данный период	
		прибыло	убыло			прибыло	убыло
1860	5123			1885	3971		
		4248				6455	
1870	9371			1889	10426		
			2858				34
1878	6513			1890	10460		
			485		268		
1879	6028			1895	10728		
			2057				1709
				1896	9019		

Анализируя эти данные, автор пришел к выводу, что такие колебания в росте и убыли населения не естественны. На основании этих цифр, без критического к ним отношения, нельзя строить какие-либо выводы и предположения по вопросу о количестве населения в Большедербетовском улусе. Внимание, по мнению А. А. Лебединского, останавливают на себе цифры за 1870 г., 1889 г., 1890 г., 1895 г., как относительно верно отображающие численность калмыцкого населения. Основания для этого следующие:

1. Они сравнительно устойчивы и не дают абсурдных колебаний.

2. Начиная с 90-х годов XIX в. улусная администрация часто прибегает к учету населения и старается провести его точно: то требует предъявления посемейных списков с обозначением количества скота в каждом хозяйстве, то собирает сведения о количестве кибиток, то устанавливает численность населения для представления годового отчета главному приставу и т. д.; все это – средства, которые дают улусной администрации возможность более или менее точно контролировать и учитывать население.

3. Оседлый образ жизни, прочно установившийся к 90-м гг., создавал для улусной администрации благоприятные условия по учету населения, чего ни в одном из других улусов не было.

А. А. Лебединский, сопоставляя выделенные статистические данные о количестве населения за 1870 г., 1889 г., 1890 г., 1895 г. с общими условиями жизни калмыков-большедербетовцев, пришел к следующему заключению: с 70-х г. XIX в. прирост населения сокращается, а в 80-х г. XIX в. он, вероятно, чередуется с убылью, а к 90-м гг. XIX в. обеднение и разорение большедербетовцев настолько усиливаются, что с этого времени определенно наблюдается тенденция их вымирания. [23, с. 110–112].

На наш взгляд, тезис А. А. Лебединского о вымирании калмыков неприемлем. Надо полагать, что на сокращении численности в какой-то степени сказывался во второй половине XIX в. отток населения. Прослеживаются и рост, и сокращение, но в целом численность в Большедербетовском улусе остается примерно на одном и том же уровне.

Таким образом, нами, по возможности, воспроизведена демографическая история расселения калмыков вне пределов их основных кочевий, располагавшихся после 1771 г. в Астраханской губернии в XVII–XIX вв. и нашедшая отражение в нарративных источниках.

В целом приведенные данные по численности и расселению калмыков вне пределов их основных кочевий отражают недостаточно полно все затронутые нами вопросы, что свидетельствует о необходимости выявления новых источников. Большинство исследователей оперировали демографическими данными для воссоздания в той или иной степени

полноты воспроизводимой ими исторической картины, и не более того. В связи с этим ими остался неохваченным весь комплекс исторических источников по данной проблеме. Тем не менее при совокупном исследовании их данных подтверждаются имевшее место расселение калмыков вне их основных кочевий и образование новых субэтнических групп, получавших названия по местам их обитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурий И. Донские калмыки и история их христианского просвещения по трудам Казанского миссионерского съезда. СПб.: Колокол, 1911. 40 с.
2. Борисенко И. В. Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII в. – нач. XX вв.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1982. С. 42–80.
3. Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 319 с.
4. Очиров У. Б. К вопросу о численности калмыцких этнических групп за пределами калмыцких кочевий в конце XVII–XX вв. // Монголоведение № 2. Элиста, 2003. С. 194–203.
5. Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск: Обл. правл. Войска Донского, 1884. 762 с.
6. Колесник В. И. Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв.: Учебное пособие. Элиста, 1997. 135 с.
7. Маслаковец Н. А. Статистическое описание кочевья донских калмыков // Труды областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 2. Новочеркасск, 1874. С. 1–95.
8. Алексеева П. Э. О расселении калмыков на Дону // Вестник КИГИ РАН. Вып. 16. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 291–313.
9. Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста, 1965. 179 с.
10. П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии (обстоятельное описание Оренбургской губернии) // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих. Изд. Г. Ф. Миллера. Ч. 1–2. СПб., 1762.; 2-е изд. Оренбург. отд. ИРГО, 1887. 405 с.
11. Гурий (Степанов) А. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. I. Калмыки. Казань, 1915. 100 с.
12. Беликов Т. И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773–1775 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 167 с.
13. З-в Н. Исторический обзор ставропольских калмыков и несколько данных о современном их состоянии // Отечественные записки. 1848. Т. XXXV. № 7–8. С. 27–38.
14. Борисенко И. В. Очерки по исторической географии Калмыкии. Дореволюционный период. Элиста, 1991. 250 с.

15. Бурдуков Н. Ф. Митричин кристен: терские калмыки (1777–1905 гг.). СПб., 1905. 38 с.
16. Борисенко И. В. Расселение терских калмыков (XVIII–XX вв.) // Роль ленинских декретов в образовании и развитии Советской автономии Калмыкии. Элиста, 1982. С. 115–129.
17. Костенков К. И. Калмыки Моздокского казачьего полка (необходимое приращение к статистическим сведениям о калмыках) // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. Астрахань, 1869. С. 165–166.
18. Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста, 1998. 181 с.
19. Лебединский А. А. Большедербетовский улус во 2-ой половине XIX века // Калмыцкая область. № 2. Астрахань, 1925. С. 90–123.
20. Львовский Н. Происхождение и история калмыков Большедербетовского улуса // Ученые записки императорского Казанского университета. Кн. 5. Казань, 1893. С. 79–106.
21. Ланко П. З. Отрывки из записок о калмыках Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. I. Ставрополь, 1868. С. 73–81.
22. Костенков К. И. Статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. I. Астрахань, 1869. С. 1–56.
23. Лебединский А. А. К вопросу о вымирании калмыков // Калмыцкая область. Орган Калмыцкой областной плановой комиссии. № 1–2 (7–8), апрель. Астрахань, 1927. 45 с.